

Глава 2.
РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

ГЛАВА 2 РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

1. МИФ О РОЖДЕНИИ ГЕРОЯ

Наверное, каждому человеку интересен момент его появления на свет. Момент этот кому-то представляется то ли галлюцинацией, то ли воспоминанием, будто видел он его глазами акушеров и родителей. Кто-то и не думает, что помнит свое рождение, а кто-то создает свой миф. Можно сказать, миф о рождении героя. Общей чертой такого мифа, будь то миф о рождении Моисея или Эдипа, Гильгамеша или Кира, Геркулеса или Зигфрида, является зачастую черта весьма неожиданная – герой как будто стремится избавиться от своих родителей в момент появления на свет, будто торопится заявить, что рождается он вопреки их желанию, или даже вообще без них. Так, в своем дневнике 1989 года Владислав Мамышев делает следующую запись: «Мэрилин Монро родилась в колбе без родителей и без денег, поэтому ей очень трудно приходилось в детстве и в жизни».

Как и полагается герою, Владислав Юрьевич Мамышев-Монро создает и миф о своем рождении. И не один. Для начала послушаем самую простую и на первый взгляд достоверную автобиографию:

«Я, Владислав Юрьевич Мамышев, родился в 04 часа 20 минут 20 апреля 1972 года в городе Северск Артемовского района Донецкой области в тогда еще Советской Украине, во времена Советского Союза, в семье колхозников. Что же касается первых трех лет с момента моего рождения, то самое мое развитие как человека было необычайно ранним, в том плане, что ходить, говорить я начал небывало рано, да и в интеллектуальном развитии было на те времена больше плюсов, чем минусов, что не стало нравиться нерадивым психиатрам».

Бюрократический стиль официальной советской автобиографии, которую заполняли при поступлении в любое учреждение, будь то на завод или в институт, делает эту версию весьма достоверной, за исключением, пожалуй, одной детали: бюрократический стиль смешивается у Владислава Юрьевича с *чем-то еще*. История о чудесном младенце, который начал необычайно рано ходить, говорить и интеллектуально развиваться, соединяется с доносом на нерадивых психиатров. При чем же здесь психиатры? – спросите вы. Не имеет ли это отношение к советской психиатрии, которая, как известно, служила карающим механизмом в руках власти? Еще до рождения Владислава Юрьевича Мамышева в психиатрии была принята теория Андрея Владимировича Снежневского, согласно которой каждому гражданину можно было честно и безошибочно поставить диагноз вялотекущей пизофрении. Так и поступали с инакомыслящими, которых заключали в психиатрические клиники. А вдруг нерадивые психиатры – это ученики Снежневского из печально известного Института Сербского, которые заподозрили в быстро развивающемся младенце артистические наклонности? Художник ведь по определению мыслит иначе.

А теперь перейдем к мифу более фундаментальному. Прежде чем мы к нему обратимся, расскажем, дабы подчеркнуть, что герой наш не одинок, миф о

рождении в изложении прославленного писателя Даниила Ивановича Хармса. Если вам эти мифы покажутся похожими, – очень хорошо; а если совсем непохожими – тем лучше.

Даниил Иванович Хармс-Ювачев рассказывает:

«Итак, мое зачатие произошло 1-го апреля 1905 года. Однако все папины расчеты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока. Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез. Присутствующий при этом один наш знакомый, студент Военно-Медицинской Академии, заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако, несмотря на слова студента, меня все же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да второпях не туда. Тут началась страшная суматоха. Родительница кричит: “Подавайте мне моего ребенка!” А ей отвечают: “Ваш, говорят, ребенок находится внутри вас”. “Как! – кричит родительница. – Как ребенок внутри меня, когда я его только что родила!” “Но, – говорят родительнице, – может быть, вы ошибаетесь?” “Как! – кричит родительница, – ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!” “Это верно, – говорят родительнице. – Но, может быть, он куда-нибудь заполз”. Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице. А родительница шумит и требует своего ребенка. Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развел, однако все же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло, и таким образом я вторично вышел на свет. Тут опять папа разбушевался, – дескать, это, мол, еще нельзя назвать рождением, что это, мол, еще не человек, а скорее наполовину зародыш, и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор. И они посадили меня в инкубатор <...> Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз».

Владислав Юрьевич Мамышев-Монро рассказывает:

«Моего рождения родители не хотели. Отец, вор и убийца Митрофан Монро, для этого специально бил мою мать, Нину Ивановну, кулаком по животу во время беременности, а когда я все-таки родился, он ушел из дому навсегда. Мать осталась без мужа и во всех своих бедах винила меня. Она била меня мокрым шлангом, скакалкой, деревянным массажером. Зимой она заставляла меня нырять в прорубь под льдины, а сама, когда я нырял, закрывала прорубь толстыми листьями оргалита. Чудом я все же спасался».

Нечеловеческая ситуация с рождением и ранним детством – необходимый атрибут героя. Собственно говоря, чтобы стать героем, нужно пережить уже в самом начале невероятные испытания и чудесным образом спастись. Героя в младенчестве пускают в плетеной корзинке по водам Нила, выбрасывают у подножья горы со скованными ножками, подбрасывают ему в колыбель змей. Волшебное преодоление всех испытаний подтверждает полубожественное происхождение героя, его необычную судьбу и являются первой отметкой в его биографии.

Владике Мамышеву рождение и детство представляются кошмаром. Миф о рождении героя в очередной раз находит в его судьбе свое подтверждение. Эта же фантазия сближает нашего героя с тем, с кем ему еще только предстоит встретиться – с Мэрилин Монро. Актриса, у которой было нелегкое детство, проведенное сначала в приемной семье, а затем в приютах, став Мэрилин Монро, отказалась от своего отца и матери. Впрочем, отца она не знала. А вот мать ее была жива и находилась в психиатрической клинике.

Репортеры попытались обвинить Мэрилин Монро в том, что она назвала себя круглой сиротой при живой матери. В отличие от своей героини, Владислав Мамышев боготворил мать, приглашал ее на свои выставки и перформансы, и из всех странствий, как земных, так и заоблачных, неизбежно возвращался домой в Петербург к маме.

В эпоху стремительного развития средств массовой информации на смену герою пришла звезда. От героя она унаследовала **трагический миф о рождении**. Звезды, как и герои, рождаются вопреки обстоятельствам, будто по воле богов.

В случае нашей звезды, Мамышева-Монро, миф о появлении на свет вопреки желанию родителей оттеняет его второе рождение в лучах сияния Мэрилин Монро. Впрочем, об этом речь впереди, а пока пора идти в школу, где героя ждут очередные испытания.

2. ЯВЛЕНИЕ СВЯТОЙ МОНРО В ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Для художественной натуры школа, конечно, представляет череду нескончаемых мучений. Понятно, школа – пространство дисциплины, здесь не до художеств. Не важно, какая именно школа. Иногда фигурирует литературная школа номер 27, а иногда – школа номер 9 Василеостровского района. Важен не номер, важно **видение школы**:

«В школе я учился только на двойки и колы, потому что учителя и ученики меня ненавидели, они хотели лишь одного – моей смерти, больше им ничего не надо было. Особенно жуткими днями были 12 октября каждого года – число, когда я родился. Страшно и больно это вспоминать; учителя били меня указками по голове, приказывали дежурным по классу вытирать мною мел с доски. В середине 10 класса меня все же выгнали из школы, и я пошел работать на завод».

Краски сгущаются. Школа вызывает в памяти сцену рождения. Самые жуткие дни в школе – дни рождения. Однако в школе рождается и его первая любовь, его *второе я*. Можно сказать, рождение нашего героя тогда и состоялось, когда он услышал на школьном уроке о Мэрилин Монро. Это был **момент пробуждения**. Все, что предшествовало столкновению с судьбой Монро, было сном.

История пробуждения спящего разума такова. Однажды на **уроке географии** учительница рассказала учащимся о трагичности американского

образа жизни, и в качестве наглядного примера поведала о том, как обожаемая всеми кинозвезда Мэрилин Монро от безысходности покончила с собой. «Отравилась? Нет, затравили».

Рассказ о судьбе американской актрисы невероятно взволновал Владика, особенно потрясла его фотография, которую показала учительница. Он узнал свой идеал, нашел себя, обрел себя в сиянии далекой звезды. В мрачных коридорах засиял образ Святой Монро.

Юный Мамышев начинает одержимо коллекционировать фотографии Мэрилин Монро, вырезки о ней из газет и журналов; он тщательно перерисовывает ее образ, изучает мельчайшие подробности биографии. Он подготавливает всё для создания концептуальных альбомов. Владислав Мамышев как будто готовится к грядущему через несколько лет перевоплощению, к тому, чтобы стать особенным: художником – носителем сигнала звезды Мэрилин Монро.

3. СТЕНГАЗЕТА – ЭТО ВАМНЕ МАСС-МЕДИА

Звезда не забывает грешную землю. Подлинная звезда вбирает в свои лучи стихию пройденных испытаний. Звезда Мамышева-Монро взяла из дисциплинарных коридоров стенгазету. Создание **стенных газет станет одной из принципиальных черт его творчества.**

Практически каждый класс советской школы издавал свою стенгазету. Над ней работала специально избранная редколлегия. Стенная газета, в отличие от обычной газеты, обращалась не к массам, а к своему родному коллективу. Стенгазета «М.В.Ю.», конечно, посвящена Владиславу Юрьевичу Мамышеву, его работе, творчеству, свету, гению. Узнаем ли мы когда-нибудь, сколько он их сделал?

Стенгазета – дитя советской индустриализации и коллективизации. «Гигант», «За труд», «Печатник», «Локомотив», «За урожай» выпускали на заводах и фабриках, в институтах и школах, в колхозах и научных учреждениях. Может показаться удивительным, что огромные заводы зачем-то регулярно производили маленькие самодельные плакаты. Стенгазета – это народное творчество. Как и возникшая почти одновременно с ней в 1920-х годах «живая газета» «Синяя блуза», она должна была опережать печатный станок. Стенгазета начиналась с «Окон РОСТА» Владимира Маяковского, оперативно реагирувавших на положение на фронтах гражданской войны. Но, в отличие от революционных плакатов, стенгазета рассказывала исключительно об успехах и недостатках своего коллектива.

Так герой рассказа Марка Колосова «Стенгаз» (1924) – молотобоец и хулиган Петька – перевоспитывается, влюбившись в комсомолку Лизу и стенгазету «Юный текстильщик». «Глаз Петькин радуется стенгаз новенький, играющий переливом красок. Буквы отчетливо стройны. Рамочки, как под угольник, лозунги, рисунки, заголовки – крепкие, ядреные, теплом пахнут». По мотивам этого рассказа режиссер Сергей Юткевич поставил свой формалистский фильм «Кружева» (1928).

У стенгазеты могла быть непростая судьба, и она сама об этом говорит. Так, например, происходит в рассказе Михаила Булгакова «Приключение стенгазеты» (1925). Нарисованная на деревянной доске неким «маляром-артистом», «совершенно безыдейным художником Петрушкой» по образу и подобию пивной вывески стенгазета «Клевак» пылится в темном углу и ждет

своего конца. Тем временем, неприличные рисунки, надписи и даже кал, подрисованный безответственными шутниками, портят ее лицо. Такая судьба ждала «Клевак», а задумывался ли ты, дорогой читатель, о судьбе миллионов других советских стенгазет?

Стенгазету можно назвать младшей сестрой официальной газеты. Она появлялась в одном экземпляре, была рукотворной, по-родственному теплой, в отличие от строгой, отпечатанной в типографии и распространявшейся миллионными тиражами газеты «Правда». Тем не менее, несмотря на свою доморощенность и интимный характер, стенгазета – это орган дисциплинарный. Контролирующая власть стенгазеты оказывалась еще сильнее в связи с тем, что она проникала в каждый коллектив, будь то цех сталелитейного производства или пионерский лагерь. Агитация и пропаганда, свойственная официальной газете, сохранялась и в этой малой форме. Но одним из главных в ней стал донос в виде прорабатывающих недостатки карикатур и фельетонов.

Владислав Мамышев сделал из стенгазеты новый жанр. Он сохранил ее принципиальные свойства – рукотворность, прославление и доносы. Почти в каждой из стенгазет, созданных Мамышевым-Монро, есть и то, и другое, и третье, и кое-что еще, превращающее их в произведения искусства. Так в «Стенгазете М.В.Ю. о работе московского филиала Санкт-Петербургской Новой академии изящных искусств за 1995 год» царит жанр прославления как фундаментальный принцип работы бюрократического аппарата. Главный герой, а это, конечно же, сам Владислав Мамышев, представлен в образе Короля-Солнца. Дисциплинарный контроль осуществляется посредством того, что Монро Солнце проникает своими лучами повсюду, не оставляя незамеченным ни одного факта (в данной газете это исключительно положительные события). Мечта Иеремии Бенета о полном контроле, осуществляемом под ярким освещением, сливается с идеалом абсолютистской монархии. Демоны бюрократии оборачиваются ангелами тоталитаризма.

В другой стенгазете, «Беглые заметки из города Постнодряннизм», сделанной в 2000 году, Владислав Юрьевич беспощадно расправляется с недостатками «майнстрима» и художественной критики. Здесь преобладает жанр доноса. Какой бы жанр ни избирал Владислав Юрьевич Мамышев для своих стенгазет, важно, что, паразитируя на советском бюрократизме, он не только подвергает его критике, но и использует в качестве материи искусства, художественного кала, как любит говорить мастер ритуалов и перформансов Герман

Ницш.

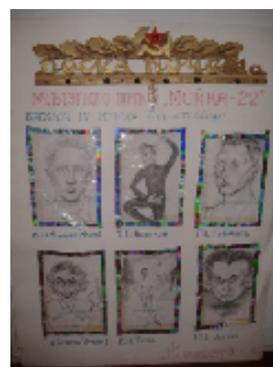
В детстве Владик любил возиться с газетами, коллекционировал их, тщательно отбирая черно-белые портреты, которые он вырезал и складывал в отдельную папку. Если Энди Уорхол собирал портреты кинозвезд, вырезая их из журналов, то Владислав Мамышев коллекционировал портреты членов Политбюро ЦК КПСС, которые печатались в советских газетах. Два мира – два детства.

4. ЗАВОД. ДОСКА ПОЧЕТА

Стенгазета, это, конечно, – не доска почета, но все же они родственницы. Ведь доска почета так же рукотворна и уникальна, но при этом она более официальна. Здесь уже нет места критике и недостаткам. Доска почета – это советский иконостас, вернее – его «праотеческий ряд», где в роли ветхозаветных праотцев выступали передовики производства. Доска почета мастерской на Мойке, 22 «Выехали на рельсах Перестройки» представляет таких вечно юных праотцев современного искусства – режиссера Пиратского телевидения Юриса Лесника, художников Георгия Гурьянова, Тимура Новикова, Виктора Тузова, Сергея Бугаева Африку и, конечно же, Владислава Мамышева Монро. Декоративные красные звездочки и серпы и молоты украшают эту доску почета, а вот вместо общего стекла лицо каждого героя Перестройки находится в заботливо прикрытом прозрачной конфетной бумагой окне.

Итак, наш герой отправляется на завод, в очередное пространство разлагающейся дисциплины позднего социализма. Жернова распада продолжают монотонно вращаться. Мамышев приближается к проходной. Его встречает **доска почета**. Ему там не место.

Завод времен Мамышева – это далеко не тот отлаженный механизм энтузиазма, известный нам по сталинским фильмам, это не то место, где все помогают друг другу и подтягивают отстающих. Возвышенные и прекрасные пролетарии времен советской индустриализации обратились в злобных бесов. Они мучают Владислава. Испытания продолжаются.

«Рабочие сразу и сильно меня возненавидели, особой лютостью отличался мой начальник цеха, который мне поручал самую черную и тяжелую работу, подстраивал всякие производственные травмы для меня. Врачи в поликлинике тоже точили на меня зуб и поэтому не давали больничный. Весь окровавленный, в бинтах, я был вынужден вновь идти к своему ненавистному станку, бинты попадали в крутящиеся части станка, и это приводило к новым и новым травмам. Я попал в страшный замкнутый круг, жизнь моя висела на волоске, становилось невыносимо».

Станки работают. Заворачивают в монотонный восьмичасовой рабочий день. Замкнутый круг. Как его разорвать? Как выйти на свет из этого мрачного мира? Один из выходов из подземелья – вверх, восхождение, к звездам!

Такой путь и поджидал Владика Мамышева. Ему суждено будет стать Мамышевым-Монро, Владиславом-Монро. Его ждет неповторимая жизнь звезды. О жизни нам еще предстоит рассказать, а теперь – о смерти. Раз уж мы заговорили о жизни, значит, и о смерти пора. Всегда пора. Как говорил Джон Хьюстон о Мэрилин Монро: «Даже боль ее выражала жизнь и борьбу с ангелом смерти».

5. СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ ЗВЕЗДЫ

Смерть героя – всегда загадка, хотя бы потому, что герой близок к сонму бессмертных. Вот и гадают, что

случилось с Владимиром Маяковским и Джимом Моррисоном, Сергеем Есениным и Джоном Ленноном, Майклом Джексоном и Мэрилин Монро. Разве звезда может умереть?! Разве свет ее не продолжает светить?! Неужели это всего лишь призрачный свет?!

Убийство или самоубийство?! Владислав Мамышев в интервью радио «Свобода» в связи с пятидесятилетием смерти Мэрилин Монро, вспоминает недавний уход Майкла Джексона: «А они чем-то похожи, Майкл Джексон и Монро, – не совсем, что ли, вменяемые люди в житейском понимании, полностью служащие более высоким соображениям. Так что в том, что касается Монро, я полагаю, это было убийство». Через год с небольшим те же вопросы, убийство или самоубийство, жизнь или смерть, уже возникнут в связи с кончиной самого Владислава Юрьевича. Кончиной? Ну уж нет.

Смерть, как говорила Мэрилин Монро, это тело, от которого нужно избавиться. И секс, добавляла она, часто тоже есть тело, от которого надо избавиться. Люди не верят в смерть. Люди верят в бессмертие. «Умирают, – как утверждал Марсель Дюшан, – всегда другие». Вот уже говорят они, наверняка, что Владислав Юрьевич не тонул, не умирал, что всё это случилось с его двойником, а сам он по-прежнему со своей собакой Броней живет на одном из уединенных островов Полинезии. Просто надоели ему докучливые люди, устал он от человечества. А, может, подобно Одиссею, попал он в плен к нимфе Калипсо, посулившей ему бессмертие и вечную юность. А может, распространился он по трем пространствам, трем стихиям – земле, воде и воздуху. Стал частью космоса, погрузился в недра земные и ушел в пучины морские.

И стал он Владычицей морей, Владичицей морских глубин и океанских впадин.

Звезда стирает границу между жизнью и смертью, устанавливая незримую **полосу бессмертия**. На этой полосе – жизнь переживает себя вновь и вновь. На эту полосу заходит возвращающийся из небытия бессмертный образ. Ярчайший пример – **Мона Лиза**. Чтобы знать ее, даже видеть ее не нужно. Она является будто во сне. Всегда узнаваемая. Свет ее пронзает любую плотность тьмы. Мона Лиза, Мать Земля.

Впрочем, во времена засилья и насилия средств массовой информации время сжимается, и вот уже образ распространяется со скоростью света, замещая божественный свет лучами масс-медиа и светокопировальных аппаратов. Владислав Мамышев прекрасно различает свет техно-просвещения:

«Большинство населения Земли не видело Мону Лизу “живьем”, но то же большинство в курсе, что это шедевр Леонардо да Винчи, и что он из Лувра. Получается, что благодаря растиражированному фиксированию этого факта сам факт обретает реальность».

Время перерождения Моны Лизы в звезду совпадает с возрождением интереса к этой картине в начале XX века. Своим новым рождением она во многом обязана тиражности, а также художникам. Сначала Марсель Дюшан, а затем Энди Уорхол переосмыслиют, что происходит с искусством в эпоху механического воспроизводства. Явление звезды, понятное дело, связано с массовой медиатизацией, но также с превращением планеты в общество спектакля, главную роль в котором играет Нарцисс, ведь спектакль любит

зрелищем самого себя. Свет звезды ориентирует массы **инерцией образной гравитации**.

Звезда не просто занимает священное место бога, она – фетиш эпохи. Фетишистский взгляд на кинозвезду обожествляет ее и конструирует красоту идеальной женщины. Из медиа-пены выходит Мэрилин Монро.

Ее ослепительный образ находится за пределами обыденного существования; и в то же время масс-медиаальная звезда проникает в каждый дом со всеми мельчайшими подробностями фантазма личной биографии. Это сочетание обобщенного возвышенного образа и интимных подробностей жизни превращает звезду в идеальное зеркало, в котором можно увидеть и воссоздать себя, свое собственное я. Ее привычки, манера одеваться, говорить, есть, плакать, смеяться растиражированы в тысячах живых подобию, готовых исчезнуть, чтобы окончательно раствориться в любимом образе. Звезда проживает нашу лучшую жизнь, именно поэтому она способна продавать нам всё – от чистящего порошка и чипсов до телевизоров и антидепрессантов.

Если звезда предоставляет медиа-поклонникам свою иллюзорную идентичность, то Владислав Мамышев-Монро, напротив, одалживает звездам себя. Он зажигает звезду в себе. Он показывает, *как* работает массовая культура с культом звезд. Он готов воплотить в себе всё многоликое человечество. Мамышев-Монро пребывает в **едином многообразии**. Если наркочапитализм, то есть чарующая нарциссическая конструкция, задает режим разнообразного единства, то Мамышев-Монро меняет фокус на **единое многообразие**. Его рефлексия позволяет отражать свет звезды, но не быть поглощенным ею. В статье «Куда я попал? Где мои вещи?» Владислав Юрьевич пишет:

«Кто я? Где я? Куда я попал? Где мои вещи?» – вот те вопросы, которые приходится мне задавать самому себе с тех пор, как взялся я за это нелегкое дело – поместить в себе вселенную; но не так поместить, как это делает каждый человек, помещая вселенную в кору своего головного мозга, а иначе, свою субъективную личность, через свои физические и психические механизмы воплотить все многоликое человечество, пережить в себе все эти судьбы, взять на себя все эти бесчисленные грехи, уравновесить их бесчисленными благодеяниями, устранить половые, национальные, социальные и другие различия и остаться самим собой в таком **едином многообразии**. Не растворяться, а растворять. Не попасться в раствор, а самому быть этим раствором».

Владислав Мамышев готов забывать о себе, чтобы напомнить о звездах. Но сквозь звездную маску неумолимо проступают черты художника. Мамышев-Монро – не оживший двойник той или иной звезды, а ее зеркало, обращенный взгляд. Взгляд Мэрилин Монро излучает свою судьбу. Неуловимый взгляд шепчет на ухо Владиславу Мамышеву: «Я буду жить вечно».